

НИЧТО не предвещало выпуск 1967 года Ахалцхского отделения Грузинского театрального института необычной судьбы. Сыграл последний курсовой спектакль. Впереди дипломы, а затем школа — большая, профессиональная. О ней мечтали, как о чем-то еще далеком и не совсем реальном, и тут вдруг ребята стали получать приглашения: кто — в столичные театры, кто — в Батуми, Сузуми, Поти. Все это и радовало и немного страшило. За пять лет сдружжились по-настоящему, а сейчас каждого ждала своя дорога. Но пути всех неожиданно свестились.

— В Ахалцхе открывался Месхетский государственный театр, — сказали как-то на лекции преподаватель истории грузинского театра В. Кикинадзе. — А что, если нам всем выпуском поехать работать туда?

С этого все и началось. Уезжать из Тбилиси. Расстаться с привычными, удобным укладом жизни. Играть на маленькой неподвижной площадке, в зале на 300 человек. А как же мечты о большой сцене, о работе в жизни? Решиться было не так-то просто. Но решились все.

МЕСХЕТИЯ

ТЕАТРАЛЬНАЯ

АХАЛЦХИЕ красна. Красна неброской красотой города-труженника. К нему сразу же привыкаешь и симпатизируешь.

На театральном туземе — афиша: премьеры «Где ты, мой садонник?». Пьеса Г. Берншванш. Постановка Г. Мацхонашвили. Среди актеров, участвующих в спектакле, нет знакомых имен. Хотя постановка Н. Мачавадзие — Дато. Вы, наверное, помните этого актера. Он играл Гиви в фильме «Скоро придет весна», Зурбигули в «Рассыпанном острове». В кино актер оставался очень приятным впечатлением, какими же будут он и его друзья на сцене?

У афиши театра — множество людей. В пьесе вы одолго билет. Афиша. А в театре обычная в дни премьеры наваливается и суета, столь малая суета театралов. Третий звонок, в зале, гаснет свет.

В грузинской драматургии не так уж много пьес на военную тематику. Если подходить по большому счету, «Где ты, мой садонник?» Г. Берншванша вряд ли можно отнести к лучшим произведениям на эту тему. Пьеса рыхлая, подчас с надуманными драматургическими коллизиями. Но тут хочется отметить другое: добросовестность, с которой коллектив отнесся к этому произведению, подготовила его творческое прочтение. В театре захотели показать именно то хорошее, что заложено в пьесе: искренность, чистоту, любовь к людям, веру в победу добра и человечности. Актеры поверили героям пьесы и заставили поверить зрителей. Любознательно глядя они образы своих сверстников из далеких военных лет — людей, близких им по духу, стремлениям, мечтам.

Высоко в горах Месхетин затерялась деревня Уле. Но и сюда пришла война. И вдруг сразу, в один день, планы недавних выпускников сельской школы Дато, Бенаши и озорной хохотуньи Терии поехать учиться в Тбилиси отошли куда-то далеко-далеко. Друзья уходят на фронт. Гибнет, зачислив в Москву, Дато, искалеченными возвращаются домой Бенаши и Тоша. Но война не сломила их духа. Они ищут свое место в жизни, но главное, ради чего стоит жить. И этот поиск духовно обогащает, возмужает героев. Поэтому они так близки и дороги зрителю.

Пьеса Г. Берншванша была

написана специально для Ахалцхского театра. В ее языке много диалектизмов. В спектакле широко использованы песни и танцы Месхетин. Но при всем этом спектакль не получил эстетического уклона, не стал лишней стражей быта. В этом — заслуга молодого режиссера Г. Мацхонашвили.

Трудно на стативной сцене, при одной декорации, когда штатеты не работают, а во-

В ИСКУССТВЕ НЕТ ПРОВИНЦИИ

написание спектакля, оставаясь жеманно, добиться динамичного и эмоционального действия. Трудно, но возможно. И здесь режиссер проявил много фантазии и изобретения.

Да, при сегодняшнем техническом оснащении Месхетского театра режиссеру необходимо проложить максимум изобретательности для того, чтобы полноценно воплотить на сцене свои творческие замыслы. А в том, что это ему удастся, воочию убеждаешься, посмотрев спектакль «Солнечная ночь» по пьесе Н. Думбадзе, поставленный главным режиссером театра Н. Деметрашвили.

Нет необходимости ретранспортировать спектакль, отмеченный второй премией на республиканском театральном конкурсе, посвященном 50-летию ВЛКСМ. Об этом уже писали. Здесь хочется сказать о другом. Пьеса Н. Думбадзе современна в лучшем смысле этого слова. Богат и противоречив духовный мир ее героев, он весь в динамике, развитии, которое происходит на фоне сложных процессов в жизни нашего общества. Ряд этических и моральных проблем, поставленных в пьесе, разрешают своим творческим credo сами создатели спектакля. И звучит это убедительно, правдиво, весело.

АКТЕРЫ И РОЛИ

В АМ МОЖЕТ показаться странным, но это вполне искренне. Работать здесь, на периферии, гораздо интереснее, чем в столице.

Это слово одной из ведущих актрис театра М. Тумишвили. Когда я недавно познакомился с жизнью коллектива, то не смог с ней не согласиться. Здесь у молодых актеров больше возможности для творческого роста.

Жизнь актера — это сугубо личные роли. Каждый новый образ рождает новые мысли и эмоции, обогащает нравственно, расширяет круги жизненного кругозора. А ведь зачастую бывает, что, появившись в большой, академический театр, молодой актер годичий ждет серьезной роли. У каждого из выпускников Театрального института за два неполных года работы в Месхетском театре за плечами уже несколько ролей, которые, несомненно, станут этапными в их творческой биографии. Мне довелось увидеть всего два спектакля. Но я по ним могу судить о творческих возможностях и уже появившемся мастерстве Галины Патаридзе, Нутыара Мачавадзие, Мети Тумишвили, Лили Тезададзе, Тамара Гамирелидзе, Пьеры Кадагашвили и других. Их творческий диапазон расширяется от трагедийных до характерных и остро комических ролей. Молодые актеры ищут и находят себя, свое лицо в искусстве.

1919 ГОД. Пьеса Л. Дидане ставит в Кутаиси пьесу Н. Гоголя «Шинель». Главную роль приглашен Вако Абакидзе. Партнером юного актера в этой пьесе

был 12-летний кутаисский гимназист Мита Медмарашвили.

Там начал свою творческую жизнь заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, директор Ахалцхского театра Михаил Николаевич Медмарашвили.

Молодость — понятие относительное. Это, прежде всего, способность отдавать всего себя любимому делу, радоваться жизни и не уставать восхищаться удивительной красотой. Поэтому в свои 82 года директор ушедшего мелод, как молодого неуловимого искусства, которому он служит.

— На сцене в нашем театре я пока единственный человек со званием. Это, уверяю вас, это не плохо, — улыбаясь, говорит Михаил Николаевич. — У моих товарищей — все впереди, вся жизнь. Вы обратили внимание на наш репертуарный план? Как он «изумляет»? А ведь это, в первую очередь, означает рост коллектива. Скоро я и сам в Тбилиси приеду на гастроли. Думаю, в столице лицом и гримом не удивлю. А година чире два милости просим в наш театр. Спектакли будем играть уже в новом здании. А там — сцена почти как в Руставелинском. Зал у нас будет на 600 мест. Означение — по последнему слову техники, есть где развернуться, нужно только работать и работать...

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ,

ЗАВТРА

КОГДА в сентябре 1967 года в Ахалцхе открывался театр, это был праздник всей Месхетин. Торжественные церемонии прошли в Аспндзиде и Ахалцхе. За полтора года работы создан целый ряд замечательных спектаклей. Это «Гедора» О. Чхендзе, «Ремесло, Душа и ты» Я. Отчашае, «Мирли Тюдора» В. Глоб, «Ниме нынче времена» А. Цагарели и многие другие. Месхетинцы мечтают ставить и «Равенство» Шиллера, и целый ряд современных пьес.

На древней земле Месхетин появились еще один очаг культуры. Молодые актеры создали здесь привычную для себя обстановку широкого круга духовных и интеллектуальных интересов. Создали не только для себя, но и для окружающих. Нет такого уголка в Месхетин, где бы не пообщал коллектив актеров. И зритель поверил в свой театр, возлюбил его.

Месхетинцы ищут свой почерк, свое лицо. Спектакли, привнесшие в мезоземный дух, воодушевление молодежи, привлекают оптимизмом, верой в победу добра.

Д. ПУТРАДЗЕ.
[Спец. корр. «Зари Востока»].
Ахалцха.